

Иван

Толубнигий

Секретарь Союза писателей России. Главный редактор газеты МГО СП России "Московский литератор". Главный редактор литературно-исторического журнала "ВЕЛИКОРОССЬ". Кандидат филологических наук. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Заслуженный работник культуры Чеченской Республики, Заслуженный работник культуры Республики Дагестан.

ПОЗДНИЕ СНЫ

* * *

Любимых слов прекрасная тщета,
Мерцанье тайн в трепещущей строке,
Премудрых книг святая нищета,
Тревожное гаданье по руке –

Как мерное качанье в гамаке...

Холодных дней однообразный ход,
Сомнительный, непонятый никем,
Но кое-как прожитый старый год,
И те же трещины на потолке –

Как тихое течение в реке...

И всё глядишь на темный небосвод
И грезишь о забытом уголке.
Там всё как здесь – и розовый восход,
И белые туманы вдалеке,

Как тени уходящих належке...

* * *

Ты скажешь: « – Ночь... »

Прозрачный мотылек

Мне на ладонь доверчиво прилег.

Я буду ждать. Ни слова, ни строки,
Лишь слабое дрожание руки.

И страшно думать, что опять во сне
Мой скорбный ангел прилетал ко мне.

А может, в час позора и конца
Безумие за мною шлет гонца?

А может, просто сонный мотылек
Устал и, бедный, на ладонь прилег?!

...И бьются тени в мутное стекло,
Как будто чье-то время истекло.

А может, просто жизнь совсем пьяна?
Там, на дворе, лихие времена...

Ты скажешь: « – Скучно жить
в чужом краю! »

Я темные бокалы достаю.

* * *

...И было так: молились до утра,
А после пили до кошмарных грёз
И странно коротали вечера.

И год прошёл, но счастья не принёс.
А помнишь, как сияли небеса
Ответом на мучительный вопрос?

Горели подмосковные леса,
Спокойно спал палач в своём доме
И сумасшедший слышал голоса.

И Август плыл в удушливом дыму,
Безжалостно сжигая эту твердь,
Сомнительный, ненужный никому...

Я раньше думал – так приходит смерть.

* * *

...И городов бунтующая твердь,
И аромат полей,
И в каждом теле зреющая смерть,
И розы на столе,

И встречи в отдалённых уголках
Заброшенной страны,
И пьяницы, таящие в зрачках
Младенческие сны,

И сонные осенние ветра,
Забредшие сюда,
И на окраине забытый храм –
Забытый навсегда,

И на стене моей старинный крест –
Как скорбь Его чиста! –
И тихий ангел, приложивший перст
К трепещущим устам,

И звучных слов тревожная мольба
Неведомо о чём,
И странная, невнятная судьба,
И что-то там ещё...

* * *

Я полюбил в глухие ночи
Смотреть сквозь мутное окно
В холодные, слепые очи
Светил, угаснувших давно.

Они почти уже остыли
И в синем холоде плывут
Одни, в туманах звездной пыли,
Покуда вовсе не умрут.

И это мощное сиянье,
Пронизывающее тьму, –
Лишь путь луча сквозь расстоянье,
Непостижимое уму.

А ты глядишь, замороженный:
– Какая яркая звезда!
Светильник, ангелом зажженный,
Неугасимый никогда...

...И в небе осеннем сияют они,
Последние тайны храня.
Ни полунамёка, ни проблески, ни...
Ничто не тревожит меня.

И славно, как встарь, коротать вечера
В блаженном, как встарь, полусне.
Лишь поздние гости – сырые ветра –
Стучатся в окошко ко мне.

И будят, и напоминают о том,
О чём невозможно сказать,
И лучше в неведеньи жить бы святом –
И я открываю глаза...

Привычные вещи, постель и окно,
Простые владенья мои
Хочу я увидеть, но вижу одно –
Пустые глазницы свои.

В сей поздний час мой дом и пуст
и тёмнен.

Смотрю в окно. А что же делать, если
Все разошлись давно, один котёнок
Не спит, лишь сладко дремлет
в мягком кресле.

Кусочек льда в рубиновом бокале
Растаял – как естественно и мудро!
– А через час холодной светлой сталью
Всех ранит в сердце пламенное утро.

ТРИПТИХ

1

Я видел сон – угрюмая страна,
 Не здесь, но где-то на чужой земле,
 В какие-то другие времена...

На башне било час. Восток светлел.
 Рожок походный протрубил «отбой».
 Над площадью – повешенный в петле.

Чу! – смолк рожок. Солдаты стали в строй
 И, шаг чеканя, двинулись вперед,
 И каждый, несомненно, был герой.

Оставшийся, истерзанный народ
 Повешенного вынул из петли,
 Не глядя на раскрытый страшный рот.

Потом ушли и близких унесли...
 Вдали пылал и плавился Восток –
 Кровавый шар в космической пыли.

Там, в небесах, скорбел распятый Бог.

2

...А если сон продлится – что тогда?
 От смутных грез воспрянут города,

И род людской, прервав свои труды,
 Увидит свет сгорающей звезды,

Увидит, как сквозь темный небосвод
 Какой-то странный образ снизойдет,

И радостно склонится перед ним,
 Назвав его Спасителем святым.

И примет власть надменный имярек,
 И кровью обратятся воды рек.

Отравленный, в полях засохнет злак,
 Как бы учуяв некий верный знак.

И властью облеченные пройдут
 По всей земле, творя неправый суд.

И, воплотив предсказанное встарь,
 Своих коней пригонят на алтарь.

И зацарят среди выжженных пустынь,
 Глумясь над прахом
 погранных святынь...

– Все тот же сон – горящая звезда.
 О Рок, куда влечешь ты нас, куда?!

3

– Что происходит со мной?
 Даже забыться невмочь!
 – Не беспокойся, сынок,
 Просто ненастная ночь...

– Нет, ты послушай, отец:
 Нынче на черном коне
 Странный, тревожный гонец
 В полночь являлся ко мне!

– Полно, послушай отца:
 Это последний гонец
 Бродит в преддверье конца,
 Только не скоро конец...

– Папа, он мне рассказал
 О разоренной земле!
 Страшно смотрели глаза,
 Страшен был знак на челе!

– Это прошедшие дни,
 Отзвуки давних тревог.
 Перекрестись и усни,
 С нами всевидящий Бог...

– Боже, но как мне забыть
 Страшные эти глаза?!
 Может, он нашей судьбы
 Тайный итог предсказал!

– Встанет земля из руин,
 Пепел развеют ветра...
 Все это будет, мой сын,
 Все это было не раз.

* * *

...И золотые будут времена,
И прорастут иные семена
Побегом мощным, что не удержать.
И будет добрым этот урожай,
Питающий размеренную жизнь.
И ржавчиной покроются ножи,
Что лили человеческую кровь
За деньги и надменную любовь.
И тех, немногих, воплотив мечту,
Народы мира припадут к Кресту.

И попраный безумцами Закон,
Подняв из праха, возведут на трон.

И прогремят другие имена,
И золотые будут времена...

А нам – смотреть из темноты веков
На торжество осмеянных стихов,

На правду книг, растоптанных толпой,
В своём тщеславье, злобный и тупой,

Вотще свою оплакивать судьбу,
Мучительно ворочаясь в гробу.

КЛЕЙМО

От себя постылый путь
К проклятым лесам...
Там найдёшь кого-нибудь
Или сгинешь сам.

Там пределы сторожат
От чужой молвы –
На полянах ворожат
Древние волхвы.

Там заветные места,
Там глаза пусты,
Там не ведают Христа –
Души их чисты.

Там на утренней заре
Звонки голоса.
На убогом алтаре –
Ранняя роса...

Что оставил позади?
Неродной народ.
Возле сердца, на груди –
Крест-солнцеворот.

На покинутой земле –
Тяжкое ярмо,
На тоскующем челе –
Тёмное клеймо.

* * *

«Разъединенья ночь над всеями повисла...»
Федор Сологуб

Что, Родина моя?.. Как сон больной.
Стою один на улице ночной.

Я потерял любовь и душу сжег,
И горек ужин мой, и дом убог.

Но ни любовь, ни Родину ничуть
Я не виню – я сам утратил путь.

Я просто слишком многого хотел
И потому остался не у дел.

И на дымящихся развалинах страны
Мои страдания нелепы и смешны.

Я знаю, я не в силах превозмочь
Глухую ночь, разъединенья ночь.

* * *

«России нет. Она себя сожгла...»
Максимилиан Волошин

Лихие времена. Тоска в глазах.
Над темной далью колокол усталый
Плывет – и вдруг теряется впотьмах,
Как будто сердце биться перестало.

Что, Русь моя? Ужели это ты
 Во тьме времен умолкла тихим стоном?
 Но чу! – опять с неведомой высоты
 Душа блаженным освятится звоном.

О звон иной, нездешней чистоты,
 Как благодать пьянящая молитвы!
 Горит Восток – что золото разлито,
 И золотятся в пламени кресты...

– Ты говоришь – она себя сожгла?
 Что ж до утра звонят колокола?

* * *

«Она всё та же –

Лиор безумного Эдгара...»

Александр Блок

Необъяснимая тревога
 Живёт в ночи.
 В такую ночь тревожить Бога?!
 Молчи, молчи!

Молчи о прошлом, Бога ради!
 Смотри, смотри –
 Огонь в твоей пустой лампаде
 Едва горит!..

Мне не забытья до рассвета,
 Я не смогу!
 Стихи Безумного поэта
 Звучат в мозгу.

Наедине с собой и Богом –
 Ведь с нами Бог? –
 Услышу шорох за порогом
 И слабый вздох.

И странно, и немного жутко –
 А может, враг?
 А может, чья-то злая шутка
 Иль тайный знак?

А может, просто безнадежный
 Усталый гость?
 Войди, сними свою одежду,
 Повесь на гвоздь!..

Ответа нет, лишь тьма смеётся,
 Кругом темно!
 Лишь только ветер, ветер бьётся
 В моё окно!

Лишь сполох дальнего пожара
 Пронзает тьму...
 Лиор безумного Эдгара
 Идёт к нему.

* * *

Бежал молиться в тихий храм,
 Шептал блаженно: «Боже святой!..» –
 А верил лишь своим стихам
 И умирающим закатам.

Любил покой и тишину,
 Свечи мистическое пламя –
 А пил за жалкую страну
 С ее убогими сынами.

Мечтал о пламенной строке
 И грезил отдаленной славой –
 А умер в грязном кабаке,
 Башку разбивши о прилавок.

ПОЗДНИЕ СНЫ

1

Здесь оборваны пути.
 Дальше – ни следа.
 Мне отсюда не уйти,
 Видно, никогда.

Кто придумал этот лес
 Спьяну иль в бреду?
 Заблудившийся беглец
 Да лесной колдун...

Нет предчувствия утрат.
 Жизнь отходит прочь.
 Мы у тусклого костра
 Коротаем ночь.

Шепчет он: « – Усни, приляг!
 Слышишь, ель скрипит.

Дремлет зыбкая земля,
Папоротник спит.

3

Кто пройдёт – спугнёт века,
Только кто пройдёт?»
Зреет смертная тоска
Средь гнилых болот.

2

Помолюсь кривому пню,
Соснам, дальнему огню,
Что хранит чужой покой
За рекой.

Выпью раннюю росу,
Встречу рыжую лису,
Пробежит весёлый бес
Дальше, в лес...

А когда, огнём горя,
Встанет новая заря –
Убегу в глухую тьму
Я к нему.

У холодного огня
Он, как прежде, ждёт меня,
Только мне уже давно
Всё равно.

Страшен глаз его оскал,
Тёмным дням потерян счёт.
« – Ты нашёл, чего искал, –
Что ещё?..»

...Позабудем страх и стыд
И напьемся допьяна
Терпким зельем из копыт
Кабана.

В чаще дикой и глухой
Лишь дремота и покой.
Даль темна.

Сквозь сплетение ветвей
Еле брезжит лунный свет.
Тишина.

На обугленном пеньке
С древним посохом в руке –
Старый дед.

Тусклый свет в его глазах,
А в горячечных устах –
Тёмный бред.

« – Не зови меня, лихой!
В чаще дикой и глухой
Я умру.

Одинокий, без креста,
Смежив очи и уста
Поутру.

Дай хоть несколько часов
Мне не слышать тёмный зов
Страшных снов.

Я служил тебе сто лет,
Что же мне покоя нет
Напослед?..»

Ночь темна, и жизнь темна,
Только на небе луна,
Словно глаз.

Средь коряг и пней гнилых
Кто помолится за них
В этот час?..

